

*Посвящается моему отцу,
Альберту Джозефу Уэстлейку,
1896–1953*

Старое суеверие о том, что художественная литература «порочна», без сомнения, вымерло в Англии, но дух его сохраняется в косых взглядах, брошенных на любую историю, которая не признает более или менее прямо, что она — всего лишь шутка. Даже самый веселый роман в какой-то степени ощущает тяжесть былого запрета, направленного против литературной легковесности: его шутливость не всегда удачно выдается за ортодоксальность. Хотя люди, возможно, и стыдятся в этом признаться, все еще бытует мнение, что произведение, которое в конечном счете является всего лишь вымыслом (ибо что же еще есть рассказ?), должно в какой-то степени *извиняться* — отречься от претензии реально изобразить жизнь. Разумеется, любой здравый и зоркий рассказ отказывается это делать, ибо быстро понимает, что терпимость, дарованная на таком условии, есть не что иное, как попытка задушить, замаскированная под щедрость. Старая евангелическая враждебность к романам, столь же явная, сколь и ограниченная, которая считала их немногим более полезными для нашей бессмертной души, чем театральные пьесы, была в действительности куда менее оскорбительной.

Единственная причина существования романа в том, что он пытается изобразить жизнь.

Генри Джеймс.

Искусство прозы, 1888

Если ты делаешь то, что считаешь правильным для всех вовлеченных сторон, с тобой все в порядке. Так что со мной все в порядке.

Томас Г. Лабрек, Генеральный директор Chase Manhattan Bank

1

Я, собственно говоря, никогда раньше не убивал — не лишал жизни другого человека, не сводил к нулю чужое существование. Странное дело, но мне даже хотелось бы поговорить об этом с отцом, ведь у него был такой опыт, который в корпоративном мире мы назвали бы «профильной компетенцией»: он был пехотинцем во Второй мировой, участвовал в последнем марше по Франции в Германию в 44–45-м годах, стрелял в людей в темно-серой форме и наверняка ранил и, скорее всего, убил не одного. И, вспоминая потом, относился к этому совершенно спокойно.

Как вообще узнать заранее, способен ли на убийство? Вот в чем вопрос.

Разумеется, я не смог бы поговорить об этом с отцом, даже если бы он был жив. Но его уже нет: сказалось курение; рак легких настиг его в шестьдесят три года и прикончил столь же безжалостно, пусть и не столь эффективно, как сам отец — тех давних врагов в темно-серой форме.

Впрочем, вопрос не останется без ответа, не так ли? В этом, собственно, и загвоздка. Либо я смогу это сделать, либо нет. Если нет, значит, все приго-

товления, все замыслы, досье, которые я вел, деньги, которые потратил (и видит Бог, не мог себе этого позволить), — все это напрасно. И тогда можно все бросить: не давать больше объявлений, не строить планов, а просто позволить себе вернуться в стадо, которое бездумно бредет к большому темному сараю, где мычание наконец обрывается.

Ключевой момент настал сегодня. Три дня назад, в понедельник, я сказал Марджори, что на утро пятницы у меня назначена еще одна встреча — на этот раз на небольшом заводе в Гаррисберге, Пенсильвания, — и что я планирую в четверг доехать до Олбани, вылететь оттуда в Гаррисберг под вечер, переночевать в мотеле, добраться на такси до завода утром в пятницу, а после обеда вернуться в Олбани. Она выглядела немного встревоженной и спросила: «Это что же, нам придется переезжать? В Пенсильванию?»

«Если это станет нашей самой большой проблемой, — ответил я, — буду только рад».

Однако Марджори еще не понимает, насколько проблемы серьезны. Конечно, я делаю все возможное, чтобы скрыть масштабы катастрофы, так что не стоит ее винить: мне удастся оградить ее от лишних тревог. И все же иногда я чувствую себя очень одиноким.

План должен сработать. Нужно выбраться из этой трясины, и как можно скорее. А это значит, лучше бы мне оказаться способным на убийство.

* * *

Люгер я положил в дорожную сумку, в тот же пластиковый пакет, что и черные туфли. Этот люгер когда-то принадлежал моему отцу — его единственный сувенир с войны, личное оружие, которое он забрал у мертвого немецкого офицера, застреленного ранее им самим или кем-то другим в строю. Отец извлек из люгера магазин, полный патронов, и перевез его в носке, а пистолет — в маленькой грязной наволочке, взятой из полуразрушенного дома где-то в разоренной Франции.

Насколько мне известно, отец ни разу не стрелял из этого пистолета. Для него это был просто трофей, версия скальпа, снятого с поверженного врага. Все стреляли во всех, а в конце концов остался только отец и забрал пистолет у одного из павших.

Я тоже никогда не стрелял из этого пистолета, да и из любого другого тоже. Он, честно говоря, пугал меня. Вполне возможно, что, если я вставлю магазин в рукоять и нажму на спуск, эта штука просто взорвется в руках. И все же это было оружие, причем единственное, к которому у меня был легкий доступ. Да и никаких записей о его существовании не нашлось бы, по крайней мере в Америке.

После смерти отца я спустил его старый сундук из комнаты в подвал. В том сундуке хранились его армейская форма, сложенный вещевой мешок и пачка приказов о переводе с места на место — подписанных в ту немыслимую эпоху, что завер-

шила до моего рождения. В ту эпоху, которую мне хочется считать проще и чище, чем наша. В ту эпоху, когда ты ясно знал, кто твой враг, и убивал именно его.

Люгер в наволочке лежал на дне сундука, под пахнущей затхлостью формой цвета хаки, обойма находилась на виду, уже не спрятанная в старом носке. Я нашел пистолет в тот день, когда принял решение, вынул его и принес вместе с магазином в свой «кабинет» — комнатку, которую мы раньше называли гостевой, пока я не стал постоянно работать из дома и мне не понадобилось место.

Я закрыл дверь, сел за маленький деревянный стол, купленный в прошлом году на распродаже у какого-то отчаявшегося домовладельца миль за десять отсюда, и принялся изучать пистолет. Он показался мне чистым и добротным, без ржавчины и явных повреждений. Взяв магазин — маленький металлический механизм, — я почувствовал неожиданную приятную тяжесть. Сзади была прорезь, в которой виднелись капсулы восьми патронов — каждый с круглым слепым глазком. Стоит ударному механизму пистолета коснуться этого глазка, и пуля отправится в свой первый и последний путь.

Неужели я смогу просто вставить магазин в пистолет, навести его на цель и нажать на спусковой крючок? Были ли тут какие-то риски? Опасаясь неизвестности, я поехал в ближайший книжный магазин (сетевой, в торговом центре), нашел и купил небольшой справочник по ручному огнестрельно-

му оружию (еще одна трата!). В книге рекомендовалось смазать различные детали, что я и сделал с помощью универсального масла. Там же предлагалось попробовать «холостой спуск» — без патронов. Я так и поступил, и щелчок прозвучал властно и четко. Теперь у меня и вправду было оружие.

Благодаря книге я также понял, что пятидесятилетним патронам не стоит доверять, и научился разряжать и заряжать пистолет. Затем поехал в магазин спортивных товаров за пределами штата, в Массачусетс, где без всяких проблем приобрел небольшую, но увесистую коробку девятимиллиметровых и привез домой. Там я вложил восемь патронов в магазин, большим пальцем вдавливая каждый и преодолевая сопротивление пружины, а затем вставил магазин в открытую рукоять пистолета: щелк.

Пятьдесят лет этот инструмент пролежал в темноте, под бурой шерстью, завернутый во французскую наволочку, в ожидании своего часа. И вот он настал.

* * *

В прошлом месяце, в апреле, в один из солнечных будних дней я отправился на машине за тридцать с лишним миль на запад, через границу штата, в Нью-Йорк, и нашел заброшенное поле рядом с узкой извилистой асфальтированной дорогой. За полем темнел лесистый склон. Я припарковал машину на заросшей обочине и пошел через поле,

неся тяжелый пистолет во внутреннем кармане ветровки.

Приблизившись к лесу, я оглянулся и не увидел на дороге ни одной машины. Тогда я достал люгер, направил его на ближайшее дерево и быстро, чтобы не дать себе времени испугаться, нажал на спуск, как было написано в книжке. Раздался выстрел.

Вот это ощущение! Я не ожидал отдачи — или не помнил, что читал о ней, — и не был готов к тому, как сильно люгер дернется вверх и назад, увлекая за собой руку; я едва не ударил себя этой штукой по лицу.

С другой стороны, звук оказался не таким громким, как я ожидал: не оглушительный грохот, но приглушенный хлопок, словно лопнула автомобильная шина.

Я, конечно, не попал в дерево, в которое целился, но зато задел соседнее: вырвалось крошечное облачко пыли, будто дерево вздохнуло. Второй раз, уже зная, что люгер исправен и не взорвется, я прицелился тщательнее, приняв стойку, которую рекомендовали в книжке: согнув колени, наклонив корпус вперед и удерживая пистолет в вытянутых руках, целясь вдоль ствола. На этот раз я попал точно в то место на дереве, куда и планировал.

Это было приятно, но впечатление немного смазлось тем, что я снова уделил слишком мало внимания отдаче. Люгер вырвался из рук и упал на землю. Я поднял его, тщательно протер и понял,

что должен справиться с возникшей проблемой — если вообще собираюсь использовать эту чертову штуку. Например, вдруг мне придется выстрелить два раза подряд? Будет не очень хорошо, если пистолет окажется под ногами или, что хуже, направленным мне в лицо.

Итак, я снова принял стойку, теперь целясь в дерево подальше. Я сжал рукоять люгера *крепко* и, выстрелив, позволил отдаче пройти через руку, а затем и тело, так что не утратил контроля над оружием. Мощная волна пронзила все мое существо и заставила почувствовать себя сильнее. Мне это понравилось.

Конечно, я хорошо осознавал, что, уделяя столько внимания физическим деталям, я не только должным образом готовился, но и оттягивал, насколько это возможно, любые мысли о настоящей цели этих упражнений, о результате всей этой подготовки. О смерти человека. Хотя с этим придется столкнуться довольно скоро. Я понимал это тогда и понимаю сейчас.

Три выстрела, и все. Я поехал домой, почистил люгер, снова смазал его, восполнил три недостающих патрона и поместил пистолет и магазин отдельно в нижний ящик картотечного шкафа. Больше я к ним не прикасался, пока не настало время проверить, действительно ли я способен убить некоего Герберта Коулмана Эверли. Тогда я достал люгер и убрал в дорожную сумку. И, кроме обычной одежды и туалетных принадлежностей, положил туда же резюме мистера Эверли.

Герберт К. Эверли

Черчварден-Лейн, 835

Фолл-Сити, Коннектикут 06198

(203) 240-3677

ОСНОВНОЙ ОПЫТ РАБОТЫ

Управление

- Отвечал за поставки целлюлозной бумаги от канадской дочерней компании
- Координировал взаимодействие между отделом производства полимеров («Оук Крест Пейпер Миллс») и «Лореншиан Ресорсиз» (Канада)
- Контролировал графики отгрузок готовой продукции для аэрокосмической, автомобильной, осветительной и других отраслей
- Руководил производственным отделом из 82 сотрудников
- Координировал работу с отделом доставки (23 сотрудника)

Работа с персоналом

- Проводил собеседования и осуществлял найм сотрудников в отдел
- Составлял аналитические отчеты
- Рекомендовал повышение заработной платы и бонусы
- При необходимости проводил консультации

Сфера деятельности: 23-летний опыт работы на целлюлозно-бумажных комбинатах

и в продажах бумажных изделий в двух корпорациях

ОБРАЗОВАНИЕ: Бакалавр делового администрирования, Бизнес-колледж Хаусатоник, 1969

РЕКОМЕНДАЦИИ: Отдел кадров «Кригель-Онтарио Пейпер Продактс». Почтовый ящик 9000, Дон-Миллс, Онтарио, Канада

В наши дни в нашей стране появилась совершенно новая профессиональная сфера — растущая индустрия «специалистов», которые обучают недавно сокращенных тому, как искать новое место. В частности, как подготовить всеобъемлющее резюме, показать себя с лучшей стороны в обостряющейся конкурентной борьбе за получение новой работы, другой работы, следующей работы, *работы*.

Г. К. Э. последовал совету такого специалиста, этим буквально несет от его анкеты. Вот, например, фото отсутствует. Согласно одной популярной теории, соискателям за сорок лучше не прикладывать фотографию, да и вообще не упоминать ничего, что может указать на возраст. Г. К. Э. даже не сообщает, сколько лет проработал на предыдущих местах, ограничивается лишь двумя неизбежными намеками: 23 года стажа и год выпуска из колледжа — 1969.

Кроме того, Г. К. Э. предстает — или, по крайней мере, хочет казаться — беспристрастным, деловитым и эффективным. Он ничего не пишет

о семейном положении, детях или увлечениях (рыбалка, боулинг, что угодно). Ограничивается профессиональными вопросами.

Это не лучшее резюме, что я видел, но и далеко не худшее; средненькое, скажем так. Однако упомянутого достаточно, чтобы Г. К. Э. пригласили на собеседование, если какая-нибудь компания захочет нанять сотрудника уровня менеджера с солидным опытом в производстве и продаже специализированных полимерных бумажных изделий. Упомянутого достаточно, чтобы он переступил порог кабинета, скажу я вам.

Именно поэтому он должен умереть.

* * *

Самое главное — остаться абсолютно анонимным. Чтобы на меня ни на секунду не упало подозрение. Именно поэтому я так осторожен и сначала проезжаю добрых двадцать пять миль в сторону Олбани, фактически пересекая границу штата Нью-Йорк, прежде чем повернуть на юг и окольным путем вернуться в Коннектикут.

Зачем? К чему такая чрезмерная предосторожность? Мой серый «Плимут-Вояджер», в конце концов, не так уж приметен. Я бы сказал, он похож на каждый пятый автомобиль на дороге. Но что, если по стечению обстоятельств знакомый, сосед или родитель одноклассника Бетси или Билла увидит меня сегодня утром в Коннектикуте, едущим на восток, тогда как Марджори я сказал, что поеду

на запад, через Нью-Йорк, а в этот час и вовсе сяду на рейс в Пенсильванию? Как бы я это объяснил?

Марджори сначала подумала бы, что у меня роман. Хотя за исключением того единственного раза одиннадцать лет назад, о котором она знает, я всегда был верным мужем, и это ей тоже известно. Но если бы она заподозрила, что я встречаюсь с другой женщиной, если бы у нее появился повод сомневаться в моих перемещениях и объяснениях, разве мне в конце концов не пришлось бы сказать ей правду? Хотя бы желая успокоить?

«Это была миссия, — пришлось бы сказать мне, — убийство человека по имени Герберт Коулман Эверли. Ради нас, дорогая».

Но секрет, которым поделились, перестает быть секретом. И в любом случае, зачем обременять этим Марджори? Она и так делает все, что в ее силах, — воплощает в жизнь идеи, позволяющие сэкономить, которые придумала в тот же миг, когда узнала, что меня увольняют.

Да, именно так. Она даже не стала ждать моего последнего рабочего дня и уж точно не стала бы ждать, пока закончатся выходные пособия. В тот самый миг, как я принес домой уведомление (бланк был желтым, а не розовым) о том, что попадаю под следующее сокращение штата, Марджори начала затягивать пояса. Она видела, как теряли доход наши друзья и соседи, и знала, чего ожидать и как с этим справляться.

Она отменила занятия по фитнесу и курсы садоводства. Отключила НВО и «Шоутайм», оста-

вив только базовый кабельный пакет; эфирное телевидение в нашем холмистом уголке Коннектикута практически невозможно поймать. Баранина и рыба исчезли со стола, уступив место курице и пасте. Подписки на журналы не были продлены. Походы по торговым центрам прекратились, как и неторопливые прогулки с продуктовой тележкой по «Стью Леонардс».

Нет, Марджори делает свое дело, я не могу и желать большего. Так зачем же просить ее стать частью... этого? Тем более что даже после всех планов и приготовлений я не уверен, что способен пойти до конца. Застрелить этого человека. Другого человека.

Я должен, вот и все.

Вернувшись в Коннектикут значительно южнее нашего района, я останавливаюсь на заправке при круглосуточном магазине, чтобы заполнить бак, достать люгер из чемодана и сунуть его под плащ, аккуратно сложенный на переднем пассажирском сиденье. На заправке никого нет, кроме пакистанца, устроившегося за прилавком среди журналов с девушками и конфет, и на одно головокружительное мгновение мне видится решение проблемы: грабеж. Просто войти в здание с люгером в руке, заставить кассира отдать деньги и уйти.

Почему бы и нет? Я мог бы делать это раз или два в неделю до конца своих дней — или, по крайней мере, пока не дождусь социального пособия — и продолжать оплачивать ипотеку, как и учебу Бетси и Билла. Я даже вернул бы отбивные из ягненка на обеденный стол. Просто время от времени уез-